
ПРЕСТУПНОСТЬ И ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И УНИВЕРСАЛИЗАЦИИ ПРАВА

CRIME AND PERSONALITY OF CRIMINALS IN TERMS OF LAW GLOBALIZATION AND UNIFICATION

УДК 343.9.02
DOI 10.17150/2500-4255.2016.10(4).638-648

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Ю.И. Скуратов, Л.В. Глазкова, Н.С. Грудинин, А.А. Незнамова

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
10 марта 2016 г.

Дата принятия в печать
10 ноября 2016 г.

Дата онлайн-размещения
29 декабря 2016 г.

Ключевые слова

Организованная преступность;
преступное сообщество; преступная
организация; социальная система;
преступная деятельность

Аннотация. Проблема организованной преступности в России традиционно изучается с позиции противодействия отдельным преступным группам и сообществам, при этом в расчет не берется социальная природа данного вида преступности. В статье проводится исследование организованной преступности с точки зрения системного подхода, в рамках которого преступность рассматривается как самостоятельная социальная система со всеми свойственными такой системе признаками. Системный анализ организованной преступности включает использование исторического подхода, который предоставляет уникальную возможность изучения современного состояния данного вида преступности как процесса, зародившегося в далеком прошлом российского общества.

Авторами анализируется эволюция отечественного законодательства в сфере борьбы с преступностью. Развиваясь одновременно с обществом, преступность как его особая социальная подсистема концентрирует все противоправные явления и одновременно с этим характеризуется таким качеством, как самоорганизация, т.е. способность сложных систем к упорядочению своей внутренней структуры. Процесс самоорганизации преступности прослеживается в исторической перспективе благодаря тому, что памятники права содержат достаточно информации о реакции законодателя на возникновение и деятельность различных видов преступных групп. Исторический метод позволяет обнаружить закономерности в развитии общества и преступности, а также общие черты, присущие этим двум системам, и сделать вывод о том, что организованная преступность во все времена продолжала свое динамичное развитие, демонстрируя молниеносное приспособление к изменяющимся историческим условиям, совершенствуя структуру и способы взаимодействия с окружающей средой.

Принимая во внимание это свойство организованной преступности как самостоятельной системы, авторы делают вывод о необходимости обновления не только отечественного, но и международного законодательства с учетом новых системных трансформаций организованной преступности, угрожающих безопасности и стабильности всего мирового сообщества.

THE DEVELOPMENT OF ORGANIZED CRIME IN RUSSIA: A SYSTEM ANALYSIS

Yuriy I. Skuratov, Liliya V. Glazkova, Nikita S. Grudinin, Alla A. Neznamova

Russian State Social University, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2016 March 10

Accepted
2016 November 10

Available online
2016 December 29

Abstract. The issue of organized crime in Russia is traditionally studied from the standpoint of counteracting specific criminal groups and organizations, while the social nature of this kind of crime is not taken into consideration. The paper presents an analysis of organized crime using the system approach, within which crime is viewed as an independent social system with all the attributes typical for such a system. The system analysis of organized crime includes the use of a historic approach, which offers a unique opportunity for studying the contemporary condition of this kind of crime as a process originating from the distant past of Russian society.

Keywords

Organized crime; criminal group;
criminal organization; social system;
criminal activity

The authors analyze the evolution of Russian legislation in the sphere of fighting crime. Criminality develops simultaneously with the society as its special social subsystem, it concentrates all illegal phenomena and, at the same time, is characterized by self-organization, i.e. the ability of complex systems to streamline their inner structure. The process of self-organization can be traced back in history thanks to the fact that historical legal records contain sufficient information on the reaction of lawmakers to the emergence and activities of different types of criminal groups. The historical method allows the authors to identify regularities in the development of the society and criminality as well as common traits characterizing these two systems; it also allows to conclude that organized crime developed dynamically at all times and demonstrated an ability for swift adaptation to changing historical conditions while improving its structure and ways of interacting with the environment. Considering this quality of organized crime as an independent system, the authors conclude that it is necessary to update not only Russian, but also international legislation taking into account new systemic transformations of organized crime that threaten the safety and stability of the global community.

Проблема организованной преступности в России продолжает привлекать к себе внимание не только специалистов-криминологов, но и общества в целом, заставляя исследователей в очередной раз обратиться к ее рассмотрению. Стоит отметить, что, по мнению некоторых зарубежных авторов, организованная преступность в современной России функционирует на местном, региональном и общегосударственном уровнях [1, р. 15], оказывая влияние на все сферы жизни государства и общества [2, р. 367–368].

Для подобной постановки вопроса есть серьезные основания, однако в связи с этим необходимо подчеркнуть тот факт, что организованная преступность в России имеет свою специфику, постоянно видоизменяется, приспосабливаясь к трансформирующимся социально-экономическим, политическим и правовым условиям жизни общества [3, р. 68].

Организованная преступность в целом характеризуется следующими чертами: профессионализм, иерархичность, стремление к извлечению прибыли криминальным путем, сплоченность внутренних рядов, активные контакты с представителями власти, правоохранительных органов и СМИ с целью избежать изобличения своей преступной деятельности, активное противодействие проводимым в отношении своих членов расследованиям [4]. Необходимо подчеркнуть, что особенностью организованной преступности в России является ее очень тесная связь с коррумпированными представителями органов государственной власти, предоставляющая организованным преступным группам широкий доступ к рынкам торговли и потребления и к перераспределению капиталов и прибыли.

Отметим, что традиционно проблема организованной преступности в нашей стране

рассматривается в контексте противодействия государства и его правоохранительных органов организованным преступным группам [5], при этом за рамками таких исследований, как правило, остается изучение социальной природы российской организованной преступности, которая нуждается в серьезном теоретическом осмыслении и системном анализе.

Системный анализ организованной преступности включает использование исторического подхода, который предоставляет уникальную возможность изучения современного состояния данного вида преступности как процесса, зародившегося в далеком прошлом российского общества. Различные внешние и внутренние обстоятельства, формировавшие историческую общность народов под названием «Россия», в разные периоды создавали внутри общества подсистемы преступности, эволюционировавшие от простых групповых форм до сложных организованных групп и сообществ.

Как писал В.Е. Кемеров, «история... вообще может быть представлена как меняющаяся социальная организация, воплощающаяся в живой деятельности социальных индивидов» [6].

Развиваясь одновременно с обществом, преступность как его подсистема подчинялась в своем развитии общим системным закономерностям, среди которых необходимо выделить прежде всего способность к самоорганизации. Понятие самоорганизации выражает способность сложных систем к упорядочению своей внутренней структуры [7].

Процесс самоорганизации преступности прослеживается в исторической перспективе благодаря тому, что памятники права содержат достаточно информации о реакции законодателя на возникновение и деятельность различных видов преступных групп.

Так, уже в Русской Правде законодатель разграничил соучастников и пособников (приводится в переводе): «Если холоп обокрал кого-нибудь, то господин обязан или заплатить за него, или выдать его головою вместе с другими участниками воровства, бывшими при самом деле или хоронившими краденое, кроме их жен и детей. Если же откроется, что принимали участие в покраже свободные люди, то таковые платят князю штраф (продажу)» (ст. 121) [8, с. 402–456; 9, с. 241–243; 10, с. 25].

Позднее различные формы групповых преступлений получили общее название «скоп», употреблявшееся в Приговоре Земского собора первого ополчения (1611 г.) и в Соборном уложении 1649 г. (ст. 21, 198) [11, с. 48; 12, с. 89, 134].

Однако понятие «скоп» в то время обозначало не формы соучастия, а некоторое множество участников преступления [13, с. 77].

Исторический метод исследования преступности высвечивает ее обусловленность существующими в обществе процессами, противоречиями и отношениями и ее взаимосвязь с ними, т.е. ее социальность. Более того, как справедливо отмечается в литературе, преступление представляет собой специфическую разновидность человеческой деятельности — процесс взаимодействия преступника и окружающей его среды, порождающий их изменение и выражающийся в совершении противоправных действий [14].

Каждый этап в развитии социума вызывал определенную реакцию, сдвиг в системе преступности, приводил к усложнению ее форм и к качественным ее изменениям. Радикально меняющаяся ситуация в обществе (будь то сфера экономики или политики) всегда вызывала всплески преступности, требующие адекватной реакции законодателя.

Артикул воинский, действовавший с 1715 г., ввел ответственность лиц, растративших государственные средства (артикул 194), но не разработал понятий, характеризующих те или иные формы совместного совершения преступных деяний. Например, в артикуле 161 устанавливалась ответственность за групповое убийство по найму, однако признаки группы не выделялись, а лишь перечислялись возможные способы сговора.

Только в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных (в редакциях 1845, 1866, 1885 гг.) появляются новые понятия, указывающие на то, что законодатель стал разграничи-

вать такие организованные формы преступной деятельности, как скоп (скопище), заговор, сообщество, шайка. При этом признаки перечисленных форм групповой деятельности законодательно не раскрывались.

В Уложении о наказаниях (в редакции 1885 г.) вводилось понятие публичного скопища (ст. 269-1). Ответственности подлежали члены публичного скопища, которые, «действуя соединенными силами», учинили насилие над личностью, в том числе посредством угроз, а также похищение, истребление, повреждение чужого имущества либо самовольное завладение им. Наказанию подлежало даже вторжение участников скопища в чужое обитаемое здание либо иное помещение, огороженное место или усадьбу, а также покушение на совершение вышеперечисленных деяний.

В качестве одного из обязательных признаков такого группового преступления указывалось наличие единой цели, которая могла проистекать «из вражды религиозной, племенной или сословной или из экономических отношений, или вследствие слухов, или же с целью произвести расстройство чужого сельского хозяйства».

Другой формой групповых преступлений Уложение о наказаниях (в редакции 1845 г.) называло шайку, не раскрывая признаков этого понятия. Структурное строение шайки законодатель описывал довольно подробно, особо выделяя в группе организаторов («зачинщиков и подговорщиков»), а также сообщников, т.е. лиц, вступивших в уже созданную шайку и осведомленных о преступных целях ее существования. Выделялись и пособники, которые могли поставлять преступной группе оружие, и укрыватели, сбывавшие награбленное. Устанавливалась ответственность и специальных структур, или шаек, создававшихся для подкупа чиновников и служащих (ст. 926).

В Уголовном уложении 1903 г. появилась норма об ответственности за участие в мятежном сообществе, направленном против верховной власти (ст. 102). Особо отмечались сообщества, имевшие в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия. Виновные в участии в таком сообществе наказывались значительно строже, чем участники невооруженного сообщества [15, с. 189]. Главным признаком сообщества считалось наличие длящихся отношений и прочных связей между его участниками, объединенными общей преступной целью.

Таким образом, уже к XX в. организованность преступности значительно возросла, что нашло отражение в уголовном законодательстве того времени.

Проявилось и такое системное качество преступности, как фрактальность (самоподобие): все последующие формы преступной самоорганизации напоминали по своей структуре предыдущие, но на каждом этапе своего развития представляли перед законодателем во все более усложненном виде.

Здесь уместно отметить, что фрактальность как всеобщее свойство систем присуща и системе права. Примером может служить Уголовное уложение 1903 г., созданное законодателем в ответ на появившиеся новые формы преступных скопищ и сообществ и впоследствии оказавшее «существенное влияние на содержание нормативных актов как советского, так и постсоветского периодов» [16, с. 18].

Так, понятие шайки длительное время использовалось в советском праве: в 1947 г. совершение преступлений шайкой было введено в качестве квалифицирующего обстоятельства в такие составы, как кража и разбой¹.

Начальный период становления пролетарского государства и права проходил под влиянием идей В.И. Ленина о необходимости слома старого, буржуазного государственного аппарата, отмены норм буржуазного права и создания государства диктатуры пролетариата с соответствующей этому государству системой правовых норм.

Однако создать новое государство и право в одночасье оказалось невозможно, поэтому уже в первых декретах советской власти судам предлагалось руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств, но с оговоркой «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»².

К началу 1918 г. внутренняя и внешняя обстановка в стране резко обострилась, принял угрожающие размеры разгул бандитизма, что потребовало усиления репрессий в отношении врагов революции, к которым относились, кроме бандитов, «все лица, прикосновенные к

белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»³.

Известность получила банда Эболи и его сообщницы Бритт, которые, выдавая себя за представителей советской власти, под видом обысков проникали в дома и совершали кражи, грабежи и разбои. 26 февраля 1918 г. по решению коллегии ВЧК они были расстреляны [17, с. 101].

В Уголовном кодексе РСФСР (1922 г.) понятия, характеризующие деятельность групп и сообществ, все еще не были разработаны, и только при определении мер социальной защиты (так именовались меры наказания) надлежало учитывать совершение преступления такими группами, как банда или шайка.

В ст. 60–62 устанавливалась ответственность за участие в контрреволюционной организации, в ст. 75 — за участие в массовых беспорядках, в ст. 76 — за бандитизм. Все эти преступления могли повлечь применение высшей меры уголовного наказания.

В ст. 180 криминализировались «организованные по взаимному соглашению» случаи хищения государственного имущества, совершенные систематически либо несколькими ответственными должностными лицами или в особо крупных размерах; за данные действия предусматривалось применение смертной казни⁴.

Показательно в этом отношении дело о хищениях на железнодорожном транспорте в годы НЭПа. В 1921 г. было учреждено Московское представительство среднеазиатских дорог, уполномоченным которого назначили члена партии Ф. Игнатенко. Подобрал штат сотрудников из бывших офицеров и полицейских, Игнатенко за взятки стал заключать договоры с частными подрядчиками без объявления торгов и с нарушением положения о подрядах и поставках. Ловкий делец Петрица взялся заготавливать шпалы, но вместо 250 тыс. заготовил только 140 тыс. По оценке экспертов, это могло стоить не более 262 тыс. р., а обошлось Московскому представительству железных дорог в 627 тыс.

По делу были установлены и другие сходные эпизоды, выявившие многочисленные факты бесхозяйственности, бесконтрольности на предприятии, породившие систематические хищения и взяточничество. Например, из

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

² Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

³ О красном терроре : постановление СНК РСФСР от 5 сент. 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 65. Ст. 710.

⁴ Там же. 1922. № 15. Ст. 153.

материалов и на средства Московского представительства железных дорог на нижегородском заводе производился паркет, который продавали на сторону, а средства присваивали Петрица и его подельники. Кряжи, которые должны были идти на выпуск вагонного бруса, распиливались на клепки и продавались. Та же операция осуществлялась с телеграфными столбами.

По данному делу суду были преданы 16 чел. Петрица и Игнатенко получили максимальное наказание [18, с. 103–118].

Анализируя причины преступности на железнодорожном транспорте в первые годы советской власти, обвинитель по делу Игнатенко — Петрицы И.С. Кондурушкин отметил его связь с хозяйственными делами, возникавшими еще при царизме. «Старые специалисты, — говорил он, — оказавшись в новых экономических условиях, сохранили прежние навыки во взаимоотношениях с подрядчиками, основанные на взятках». Эти преступные методы вместе со старыми кадрами благополучно прижились в социалистическом хозяйстве, почва которого оказалась даже благоприятнее для экономической преступности, чем условия капиталистического способа производства.

Здесь на основе фрактальности действовал закон стихийного самовоспроизводства преступности, которая в новых исторических условиях, опираясь на методы и способы, выработанные еще при царизме, оперативно осваивала просторы плановой экономики социализма.

Дело Игнатенко — Петрицы представляет несомненный интерес для анализа причин появления организованной преступности в нашей стране. Следствие столкнулось с новым феноменом: речь шла не о сговоре соучастников с целью совершения отдельных преступлений, а о создании на базе государственного предприятия и за счет государства условий для постоянной преступной деятельности, направленной на извлечение прибыли в максимальном размере. Это уже была не обычная общеуголовная преступность, а совершенно новый ее вид, с новыми целями, новыми структурами и новыми способами взаимодействия между соучастниками. Это было преступное предпринимательство, «рискованное деловое предприятие», «постоянно действующее преступное предприятие», по определению Уолтера Липпмана, исследовавшего организованную преступность еще в 1931 г. [19].

И это было не единичное, а характерное для обстановки, которая царил в стране в годы НЭПа, дело. Военно-транспортная коллегия рассмотрела несколько аналогичных дел, связанных с хищениями в Трансмосторге, в Народном комиссариате путей сообщения, на Северо-западных железных дорогах.

Эти процессы показывают, что уже в первые годы после Октябрьской революции советское государство столкнулось не только с общеуголовной преступностью, но и с зарождавшейся преступностью хозяйственно-корыстного типа, нелегально действующей в сфере экономики, которая постепенно преобразовалась в систему организованной экономической преступности.

Существует мнение, что организованная преступность в нашей стране возникла в период, который принято называть застойным. Однако этот взгляд еще в 1989 г. подвергся критике как упрощенный подход. А.С. Емельянов обоснованно указывал, что незаконный бизнес, из которого сегодня исходят, анализируя организованную преступность, существовал в нашем обществе на протяжении всей его послереволюционной истории. Поэтому «корни или истоки организованной преступности надо искать в нашей истории с первых же лет Советской власти. Нельзя исключать из анализа и дореволюционный период. Теневой рынок существовал как значительное явление еще во время первой мировой войны» [20, с. 106].

В 20–30-е гг. XX в. новые явления в преступности еще не рассматривались как системные, а уголовное законодательство не выработало соответствующих понятий, лишь незначительно видоизменив терминологию прежних лет, касающуюся групповой преступности.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. ввел ответственность за участие в контрреволюционной организации (ст. 58-1) и за бандитизм (ст. 59-3), под которым понималась организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или на отдельных граждан, в остановках поездов и разрушении железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи. В то время уже сложилось представление о свойствах и существенных признаках банды как вооруженной устойчивой группы лиц, состоящей не менее чем из двух лиц, объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

В судебной практике аналогичное понимание подобной преступной группы нашло отражение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19 марта 1948 г. № 6/4/у, в котором такая группа именовалась организованной группой или шайкой⁵.

К концу 40-х — началу 50-х гг. XX в. в СССР сформировался целый ряд преступных образований, обладавших иерархической организационной структурой. В условиях послевоенной разрухи в теневом секторе экономики стало налаживаться производство необходимых населению товаров в подпольных цехах либо с использованием сверхурочной работы на неучтенных излишках сырья в цехах государственных предприятий. Возник слой подпольных миллионеров — так называемых цеховиков.

Их продукция нуждалась в реализации, которая поручалась торговым точкам, включенным в подпольную структуру. Нелегальная производственная деятельность требовала защиты от многочисленных контролирующих органов, прежде всего от службы БХСС и местных органов власти. В таких условиях рост коррупции был неминуем.

В данный период исторического развития отчетливо проявилось действие системного закона композиции и пропорциональности, в соответствии с которым каждая система стремится приобрести, создать или сохранить в своей структуре все необходимые ресурсы, находящиеся в заданной соотносительности. Если возникают пропорциональные несоответствия, стихийное действие закона приводит к самонастройке наиболее видимых несоответствий, например набора целей и задач, отношений между элементами системы и ее отношений с внешней средой. В рассматриваемый период отечественной истории самонастройка проявилась в ускоренном объединении интересов и целей преступности экономической и должностной и к усилению в связи с этим преступности организованной.

Реакция же государства была неадекватной: руководители заявили о ликвидации в СССР организованной и профессиональной преступности. Начиная с 1960 г. в нормативных актах Министерства внутренних дел перестали употреблять такие понятия, как «преступные группировки», «воровские группировки», «уго-

⁵ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года : офиц. текст с изм. на 1 авг. 1948 г. и с прил. пост. систематизир. материалов. М., 1948. С. 113.

ловно-бандитствующий элемент», «вор в законе» и т.п. И это в тот период, когда в течение 11-й пятилетки многократно вырос материальный ущерб от хищений: на 4 % всех расхитителей, совершивших хищения в особо крупном размере, приходилось более половины всей суммы похищенного [20, с. 117].

В 60–70-е гг. застой в экономике сопровождался размахом хозяйственно-корыстной преступности: приписки, особо крупные хищения, взяточничество и спекуляция привели к сверхобогащению дельцов, действующих в сфере теневой экономики, превративших в свою кормушку целые отрасли народного хозяйства. Это вызвало интерес со стороны преступников-профессионалов, разработавших способы паразитирования на преступниках в сфере экономики. Вступил в действие еще один системный закон — инструментальности в отношениях между системами. Суть его в следующем. В своем функциональном поведении система может применять различные инструменты, в роли которых способны выступать и другие системы. Функциональный уровень инструмента, используемого системой, всегда ниже, чем уровень системы. Поэтому система А, желающая использовать как инструмент систему Б в своих интересах, обязательно должна снизить уровень инструмента Б, что достигается ограничением свободы выбора Б.

Так произошло с системами профессиональной (А) и экономической (Б) преступности в рассматриваемый период. Как отмечал В.Д. Пахомов, взаимоотношения дельцов в сфере экономики и лидеров преступной среды (воров в законе) первоначально складывались драматично. Под угрозой физического насилия, похищения детей, шантажа дельцы вынуждены были систематически отчислять часть нетрудовых доходов лидерам преступной среды [20, с. 118].

Рэкет стал одним из основных направлений организованной преступности в стране в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Организованное вымогательство, распространившееся почти на 80 % приватизированных предприятий и негосударственных банков, составляло 10–20 % оборота или половину балансовой прибыли предприятий [13, с. 104].

Складывавшаяся ситуация требовала поиска компромисса и завершилась сращиванием двух систем. Благодаря свойству динамичности ранее конфликтовавшие подсистемы преступ-

ности стали сотрудничать: теперь уже дельцы смогли использовать лидеров профессиональной среды для устранения конкурентов, контроля за соучастниками, собственной охраны, сбыта неучтенной продукции. Особо опасные лидеры стали компаньонами дельцов, вкладывая в преступный бизнес собственные средства и всячески способствуя увеличению производства и доходов [20, с. 118].

Подобную ситуацию в развитии систем описывали еще Р. Акофф и Ф. Эмери, утверждая, что «целеустремленная система (например, человек) может получать поддержку от другой такой же системы, если вторая система сотрудничает с первой. Но при таком взаимодействии вторая система не является инструментом первой, если только та его не жестоко эксплуатирует» [21, с. 41].

Последующие события показали, что отношения инструментальности между подсистемами преступности стали источником конфликтов, разрешение которых требовало создания третейских судов. В состав последних входили наиболее авторитетные лидеры, на сходках решавшие вопросы территориального и отраслевого размежевания, безопасности, консолидации организованной преступности.

К началу 1990-х гг. в обществе появилось осознание новых проблем, связанных с преступностью. Съезд народных депутатов СССР (высший орган власти в то время) принял постановление «Об усилении борьбы с организованной преступностью» от 23 декабря 1989 г. № 976-1.

4 февраля 1991 г. появился указ Президента СССР «О мерах по усилению борьбы с наиболее опасными преступлениями и их организованными формами» № УП-1423.

В результате кодификационной работы в 1996 г. был принят Уголовный кодекс РФ, что стало следующим шагом в противодействии организованной преступности. В ст. 210 УК предусматривалась ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации), в п. 4 ст. 35 УК раскрывались признаки данного понятия. Преступным сообществом признавалась сплоченная организованная группа, созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях.

Почти сразу же обозначились трудности в применении на практике новых норм, поскольку

ку «предусмотренными в уголовно-процессуальном законодательстве России средствами очень трудно доказать факт создания преступного сообщества (руководства им и т.д.), когда сообщество еще не совершило тяжких или особо тяжких преступлений, что являлось целью его создания» [22].

К 2006 г. в России было выявлено всего несколько сотен лиц, привлекавшихся к ответственности по ст. 210 УК РФ, а из числа таких лиц оказались осужденными только от 5 до 25 % [23].

В 2009 г. судами было рассмотрено пять уголовных дел, в четырех случаях — с участием присяжных заседателей. Только по одному уголовному делу суд согласился с квалификацией действий по ст. 210 УК РФ, а по четырем делам подсудимые были оправданы⁶.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ было изменено понятие преступного сообщества (преступной организации), которым теперь признается «структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Были также внесены существенные изменения в диспозицию ст. 210 УК РФ, дополненной частью 4, устанавливающей ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, за совершение деяний, предусмотренных ч. 1 настоящей статьи.

Следует признать, что значительного прорыва в борьбе с преступными сообществами добиться не удалось. Так, в 2010 г. было зарегистрировано 172 преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 210 УК РФ, а в 2014 г. — 255. За пять лет, прошедших со дня вступления в силу ч. 4 ст. 210 УК РФ, ни одного лица не привлекли к ответственности за предусмотренные в ней деяния [24, с. 51, 339].

А в это время организованная преступность продолжала свое динамичное развитие,

⁶ Решение коллегии Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации «О практике выявления и расследования преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ». М., 2010. С. 1–2.

демонстрируя молниеносное приспособление к изменяющимся историческим условиям, совершенствуя структуру и способы взаимодействия с окружающей средой. Например, исследователи отмечают «признаки возможной интеграции общеуголовной преступности и преступности террористического характера... При этом интеграционные процессы могут оказать влияние на трансформацию структуры самой организованной преступности вследствие занятия в ней лидирующих позиций лицами, принимающими участие в террористической деятельности либо использующими практику террора для достижения поставленных целей» [25, с. 345].

В условиях глобализации данная тенденция уже находит свое воплощение в практике так называемого «Исламского государства», которое, являясь запрещенной в России террористической организацией, на глазах у всего мирового сообщества использует ресурсы организованной преступности для получения доходов от реализации нефти, для приобретения оружия, организации незаконных миграционных процессов в целях распространения своей идеологии и своего влияния в мире.

Как в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в России общеуголовная преступность срачивалась с экономической и коррупционной, укрепляя систему организованной преступности, так в настоящее время в мировых масштабах идет ускоренное срачивание систем организованной террористической и организованной общеуголовной преступности.

На уровне структур в системе организованной преступности также отмечаются значительные сдвиги: традиционные преступные группы трансформируются в небольшие сети, сходные с террористическими [26, с. 21].

В этой ситуации уже не только российское, но и международное законодательство нуждается в обновлении с учетом новых системных трансформаций в организованной преступности, угрожающих безопасности и стабильности всего мирового сообщества.

Исторический обзор развития организованной преступности позволяет сделать следующие выводы:

1. Являясь подсистемой общества, преступность развивается вместе с ним, усложняясь в структурном и качественном отношении. На определенном этапе исторического развития групповая общеуголовная преступность создает

устойчивые организационные структуры (шайки, банды), в которых организованность преступного мира достигает консолидации в пространственном отношении в рамках небольшой территории или в функциональном смысле, охватывая какой-либо сегмент преступной деятельности (шайки контрабандистов, конокрадов, мошенников и др.).

2. Одновременно с профессиональной преступностью в обществе существует и динамически развивается коррупционная и экономическая преступность. Подчиненные одним и тем же системным законам, все подсистемы преступности взаимодействуют между собой.

3. В 90-е гг. XX в. преступность вобрала в себя существенные свойства и групповой, и профессиональной, и экономической, а самое главное — беловоротничковой преступности, став организованной преступностью [27].

4. Развитие системы управления организованной преступностью вначале приводит к сговору на региональном уровне, а затем — на общенациональном и даже международном. Как писал А.А. Капустин, на уровне руководящих органов достигается единство «через преодоление разнокачественности систем путем согласования типов взаимодействия» [28].

5. В настоящее время в мировых масштабах происходит ускоренное срачивание систем организованной террористической и организованной общеуголовной преступности, что может привести к возникновению феномена объединенного преступного образования небывалых размеров и возможностей.

6. Соединение власти и капитала становится целью систем преступности. Ничего не создавая, эти системы воруют ресурсы у общества, паразитируют на нем, заражают общество идеологией стяжательства, что приводит к росту коррупции, легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступлений, в том числе террористических.

Все рассмотренные системные качества организованной преступности свидетельствуют о том, что она представляет собой, по определению П.В. Агапова, «негативное социальное явление, характеризующееся сплочением криминальной среды для систематического осуществления преступной деятельности в целях извлечения... сверхприбыли» [29].

В связи с этим следует подчеркнуть, что в настоящее время имеется насущная по-

требность в разработке и принятии основополагающего документа, который определил бы стратегию государства и всех причастных к этому процессу органов власти и общественных институтов по борьбе с преступностью, включая организованную преступность. Представляется, что одним из воз-

можных названий такого документа могло бы быть «Основы государственной политики в сфере борьбы с преступностью в Российской Федерации». Юридическое оформление целесообразно было бы закрепить в виде федерального закона или указа президента России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Shelley L.I. Post-Soviet organized crime: Implications for the development of the Soviet successor states and foreign countries / Louise I. Shelley // *Criminal Organizations*. — 1994. — Vol. 9, № 1. — P. 14–22.
2. Waller M.J. Organized crime and the Russian state. Challenges to U.S.-Russian cooperation / Michael J. Waller // *Demokratizatsiya: Journal of Post-Soviet Democratization*. — 1994. — Vol. 2, № 3. — P. 364–383.
3. Sokolov V. From Guns to Briefcases: The evolution of Russian organized crime / V. Sokolov // *World Policy Journal*. — 2004. — Vol. 21, № 1. — P. 68–74.
4. Fiorentini G. Organized crime and illegal markets / Gianluca Fiorentini // *Encyclopedia of Law and Economics* / ed. by Boudewijn Bouckaert, Gerrit De Geest. — Cheltenham, Edward Elgar, 2000. — Vol. 5 : The Economics of Crime and Litigation. — P. 441–454.
5. Orlova A.V. Organized crime and the rule of law in the Russian Federation / A.V. Orlova // *Essex Human Rights Review*. — 2005. — Vol. 2, № 1. — P. 23–27.
6. Кемеров В.Е. Введение в социальную философию : учебник / В.Е. Кемеров. — Изд. 4-е, испр. — М. : Акад. проект, 2001. — 316 с.
7. Котельников Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика / Г.А. Котельников. — Белгород : Бел-ГТАСМ : Крестьян. дело, 2000. — 162 с.
8. Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. — Ч. 1 : Тексты. — 506 с.
9. Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — Ч. 2 : Комментарии. — 862 с.
10. Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю.П. Титов. — М. : Проспект, 2013. — 472 с.
11. Российское законодательство X–XX веков : учеб. пособие : в 9 т. / под ред. А.Г. Манькова, О.И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1985. — Т. 3 : Акты Земских соборов. — 512 с.
12. Соборное уложение 1649 года : текст, коммент. / ред. кол. : В.И. Буганов, М.П. Ирошников, А.Г. Маньков, В.М. Панеях [и др.]. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. — 448 с.
13. Агапов П.В. Основы теории регламентации ответственности и противодействия организованной преступной деятельности / П.В. Агапов. — СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2011. — 327 с.
14. Клочков В.В. Преступление как объект криминалистического познания / В.В. Клочков, В.А. Образцов // *Вопросы борьбы с преступностью*. — М. : Прогресс, 1985. — Вып. 42. — С. 48–49.
15. Таганцев Н.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлечениями из объяснительной записки редакционной комиссии, представлениями Министерства Юстиции в Государственный совет и журналов — особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета / Н.С. Таганцев. — СПб. : Гос. тип., 1904. — 1127 с.
16. Черепанова Е.В. Становление и развитие института уголовной ответственности за преступления, совершаемые в составе организованных групп : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.В. Черепанова. — М., 2009. — 28 с.
17. Смертная казнь: за и против : сборник / под ред. С.Г. Келиной. — М. : Юрид. лит., 1989. — 528 с.
18. Судебные речи советских обвинителей / сост. Г.Н. Александров, Э.А. Финн. — М. : Юрид. лит., 1965. — 272 с.
19. Албанизи Д. Организованная преступность в Америке / Д. Албанизи. — М., 1985.
20. Организованная преступность / под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. — М. : Юрид. лит., 1989. — 428 с.
21. Акофф Р. О целеустремленных системах : пер. с англ. / Р. Акофф, Ф. Эмери ; под ред. И.А. Ушакова. — М. : Сов. радио, 1974. — 272 с.
22. Гаухман Л. Ответственность за организацию преступного сообщества / Л. Гаухман, С. Максимов // *Законность*. — 1997. — № 2. — С. 282–290.
23. Михеев И. Квалификация преступных деяний по ст. 210 УК / И. Михеев // *Законность*. — 2006. — № 10. — С. 53–55.
24. Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. А.И. Долговой. — М. : Рос. криминол. ассоц., 2015. — 361 с.
25. Меркурьев В.В. Современное состояние организованной преступности в Российской Федерации и реагирование на нее / В.В. Меркурьев, П.В. Агапов // *Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики* : сб. науч. тр. — Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2014. — С. 340–345.
26. Агапов П.В. Борьба с криминальными рынками в России / П.В. Агапов, Л.И. Александрова, К.И. Амирбеков ; под общ. ред. В.В. Меркурьева. — М. : Проспект, 2015. — 312 с.
27. Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы / под ред. В.А. Номоконова. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. — 304 с.
28. Капустин А.А. Опережая преступность. Системный подход (метод) в действии / А.А. Капустин // *Ученые записки юридического факультета Санкт-Петербургского экономического университета*. — 2014. — Вып. 33 (43). — С. 17–28.
29. Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / П.В. Агапов. — М., 2013. — 59 с.

REFERENCES

1. Shelley Louise I. Post-Soviet Organized Crime: Implications for the Development of the Soviet Successor States and Foreign Countries. *Criminal Organizations*, 1994, vol. 9, no. 1, pp. 14–22.
2. Waller J. Michael. Organized crime and the Russian state. Challenges to U.S.-Russian cooperation. *Demokratizatsiya: Journal of Post-Soviet Democratization*, 1994, vol. 2, no. 3, pp. 364–383.
3. Sokolov V. From Guns to Briefcases: The Evolution of Russian Organized Crime. *World Policy Journal*, 2004, vol. 21, no. 1, p. 68–74.
4. Fiorentini Gianluca. Organized Crime and Illegal Markets. In Bouckaert Boudewijn, De Geest Gerrit (eds). *Encyclopedia of Law and Economics*. Cheltenham, Edward Elgar, 2000, vol. 5, pp. 441–454.
5. Orlova A.V. Organized Crime and the Rule of Law in the Russian Federation. *Essex Human Rights Review*, 2005, vol. 2, no. 1, pp. 23–27.
6. Kemerov V.E. *Vvedenie v sotsial'nuyu filosofiyu* [Introduction to Social Philosophy]. 4th ed. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 316 p.
7. Kotel'nikov G.A. *Teoreticheskaya i prikladnaya sinergetika* [Theoretical and Practical Synergetics]. Belgorod, Bel-GTASM Publ., Krest'yanskoe delo Publ., 2000. 162 p.
8. Grekov B.D. (ed.). *Pravda Russkaya* [Russian Justice]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940. Pt. 1. 506 p.
9. Grekov B.D. (ed.). *Pravda Russkaya* [Russian Justice]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947. Pt. 2. 862 p.
10. Titov Yu.P. (ed.). *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii* [A Reading Book on the History of State and Law in Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2013. 472 p.
11. Man'kov A.G., Chistyakov O.I. (eds). *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1985. Vol. 3. 512 p.
12. Baganov V.I., Iroshnikov M.P., Man'kov A.G., Paneyakh V.M. et al. (eds). *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Council Code of 1649]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 448 p.
13. Agapov P.V. *Osnovy teorii reglamentatsii otvetstvennosti i protivodeistviya organizovannoi prestupnoi deyatel'nosti* [Basics of the Theory of Regulating Liability and Counteracting Organized Criminal Activities]. Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2011. 327 p.
14. Klochkov V.V., Obratsov V.A. A Crime as an object of criminalistic study. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Issues of Counteracting Crime]. Moscow, Progress Publ., 1985, iss. 42, pp. 48–49. (In Russian).
15. Tagantsev N.S. *Ugolovnoe Ulozhenie 22 marta 1903 g. S motivami, izvlecheniyami iz ob'yasnitel'noi zapiski redaktsionnoi komissii, predstavleniyami Ministerstva Yustitsii v Gosudarstvennyi sovet i zhurnalov — osobogo soveshchaniya, osobogo prisutstviya departamentov i obshchego sobraniya Gosudarstvennogo Soveta* [Council Code of March 22, 1903. With motives, extracts from the explanatory note of the Editorial Committee, submissions of the Ministry of Justice to the State Council and journals — special council, special offices of the departments and the General Assembly of the State Council]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1904. 1127 p.
16. Cherepanova E.V. *Stanovlenie i razvitie instituta ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya, sovershaemye v sostave organizovannykh grupp. Avtoref. Kand. Diss.* [The establishment and development of the institute of criminal liability for the crimes committed as part of organized groups. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2009. 28 p.
17. Shishov O.F., Parfenova T.S., Kelina S.G. *Smertnaya kazn': za i protiv* [Capital Punishment: Pro and Contra]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1989. 528 p.
18. Aleksandrov G.N., Finn E.A. (eds). *Sudebnye rechi sovetskikh obvinitelei* [Court Speeches of Soviet Prosecutors]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1965. 272 p.
19. Albanizi D. *Organizovannaya prestupnost' v Amerike* [Organized Crime in America]. Moscow, 1985.
20. Dolgova A.I., D'yakov S.V. (eds). *Organizovannaya prestupnost'* [Organized Crime]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1989. 428 p.
21. Ackoff Russell L., Emery Fred E. *On Purposeful Systems*. Aldine, Atherton, Chicago, New York, 1972. 270 p. (Russ. ed.: Ackoff R.L., Emery F.E.; Ushakov I.A. (ed.). *O tselestremlennykh sistemakh*. Moscow, Sovetskoe radio Publ., 1974. 272 p.).
22. Gaukhman L., Maksimov S. Liability for organizing a criminal group. *Zakonnost' = Legality*, 1997, no. 2, pp. 282–290. (In Russian).
23. Mikheev I. Qualification of criminal acts according to Art. 210 of the Criminal Code. *Zakonnost' = Legality*, 2006, no. 10, pp. 53–55. (In Russian).
24. Dolgova A.I. (ed.). *Korrupsiya: sostoyanie protivodeistviya i napravleniya optimizatsii bor'by* [Corruption: the Condition of Counteraction and the Ways of its Optimization]. Moscow, Russian Association for Criminology Publ., 2015. 361 p.
25. Merkur'ev V.V., Agapov P.V. Contemporary condition of organized crime in the Russian Federation and reacting to it. *Protivodeistvie sovremennoi prestupnosti: problemy teorii i praktiki* [Counteracting Modern Crime: Issues of Theory and Practice]. Saratov State Academy of Law Publ., 2014, pp. 340–345. (In Russian).
26. Agapov P.V., Aleksandrova L.I., Amirbekov K.I.; Merkur'ev V.V. (ed.). *Bor'ba s kriminal'nymi rynkami v Rossii* [The Fight against Criminal Markets in Russia]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 312 p.
27. Nomokonov V.A. (ed.). *Organizovannaya prestupnost': tendentsii, perspektivy bor'by* [Organized Crime: Trends, Counteraction Prospects]. Vladivostok, Far-Eastern Federal University Publ., 1994. 304 p.
28. Kapustin A.A. Being ahead of criminality. A systemic approach (method) in practice. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo ekonomicheskogo universiteta = Scientific Notes of the Law Faculty of St.-Petersburg State University of Economy*, 2014, iss. 33 (43), pp. 17–28. (In Russian).
29. Agapov P.V. *Osnovy protivodeistviya organizovannoi prestupnoi deyatel'nosti. Avtoref. Dokt. Diss.* [Basics of counteracting organized crime. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2013. 59 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Скуратов Юрий Ильич — заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: fondpt21vek@yandex.ru.

Глазкова Лилия Владимировна — доцент кафедры уголовного права и процесса Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: glazkova_lily@mail.ru.

Грудинин Никита Сергеевич — старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: nekit-07@mail.ru.

Незнамова Алла Андреевна — преподаватель кафедры трудового и финансового права Российского государственного социального университета, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: extrimallo4ka@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Скуратов Ю.И. Развитие организованной преступности в России: системный анализ / Ю.И. Скуратов, Л.В. Глазкова, Н.С. Грудинин, А.А. Незнамова // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 4. — С. 638–648. — DOI : 10.17150/2500-4255.2016.10(4).638-648.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Skuratov, Yuriy I. — Head, Chair of Constitutional and International Law, Russian State Social University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: fondpt21vek@yandex.ru.

Glazkova, Liliya V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Process, Russian State Social University, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: glazkova_lily@mail.ru.

Grudinin, Nikita S. — Senior Lecturer, Chair of Criminal Law and Process, Russian State Social University, Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: nekit-07@mail.ru.

Neznamova, Alla A. — Lecturer, Chair of Labor and Financial Law, Russian State Social University, Moscow, the Russian Federation; e-mail: extrimallo4ka@yandex.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Skuratov Yu.I., Glazkova L.V., Grudinin N.S., Neznamova A.A. The development of organized crime in Russia: a system analysis. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 638–648. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).638-648. (In Russian).